

© 1999 г.

З.Т. ГОЛЕНКОВА, Е.Д. ИГИТХАНИЯ

**ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ
В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА**

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна - доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института социологии РАН. ИГИТХАНИЯ Елена Давыдовна - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник того же института.

Развитие сложных процессов, связанных с трансформацией отношений в российском обществе, выдвинуло на первый план проблемы социальной интеграции и дезинтеграции, согласия и конфликта. Это ключевые проблемы классической социологической теории и основное поле социологического анализа. Учение о социальной интеграции и социальной дезинтеграции развивали Конт, Спенсер, Дюркгейм, Зиммель. Знанецкий, Сорокин, Парсонс и многие другие, вкладывая в них различный смысл и делая различные акценты. Методологической основой этих учений является концепция развития. Состояние интеграции и дезинтеграции и взаимопереходы этих состояний - главные моменты процесса общественного развития. Общество как социальная система сложно иерархизировано, т.е. расчленено на подсистемы, элементы, подэлементы. Поскольку общество находится в процессе непрерывного развития, оба противоположных процесса - интеграция и дезинтеграция - находятся в диалектическом и динамическом взаимодействии.

В современной социологической литературе данным понятиям уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания. Чаще рассматриваются экономические и политические аспекты этих тенденций и процессов, социальные же аспекты остаются за скобками. Нет и четкой определенности понятийного аппарата.

Социальная интеграция чаще всего понимается как состояние и процесс объединения социальных явлений в единое целое, сосуществование различных элементов общества вместе, в том числе, что важно для нас, как процесс гармонизации отношений между различными социальными группами. Абсолютизация и исключительное значение, придаваемое интеграции, приводит к игнорированию социального конфликта, понимаемого как патологическое явление. При этом игнорируются движущие силы общественного развития и само общественное развитие. Акцент делается на согласованности и гармонии элементов общества (традиция идет от Платона, Гоббса, а также Конта, Дюркгейма и особенно Т. Парсонса). Дюркгейм, определяя общество как интегрированное целое, состоящее из взаимозависящих частей, выделял два типа

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда № 99-03-19828а.

обществ: с механической и органической солидарностью. *Первый тип* основывается на простейшем разделении труда, почти полном отсутствии различий между функциями, социальными ролями индивидов, нетерпимости к проявлению индивидуальности, на однородности ценностных ориентаций, типов поведения индивидов, социальном принуждении (архаическое общество). *Второй тип* базируется на высокой степени разделения труда, с развитием которого индивиды, выполняющие частичные функции, становятся все более зависимыми друг от друга (индустриальное общество). Разделение труда в современных обществах закладывает основу социальной интеграции нового типа. В то же время Парсонс утверждал, что оба типа существуют в каждом обществе, что процесс становления и поддержания социальных взаимодействий и взаимоотношений между деятелями (агентами) - одно из функциональных условий существования и равновесия социальной системы наряду с адаптацией, достижением цели и сохранением ценностных образцов. Он сделал при этом акцент на общей системе ценностей и норм и вообще культуры, но недооценил существенные факты и аспекты: принуждение как основу интеграции общественных отношений, проистекающее из классового деления общества. П. Сорокин в интерпретации интеграции исходил из наличия общих ценностей, считая, что "движущей силой социального единства людей и социальных конфликтов являются факторы духовной жизни общества - моральное единство людей или разложение общей системы ценностей" [1, с. 188-189].

Понятие интеграции нередко подвергается критике потому, что оно подразумевает преувеличение роли взгляда на общество как унифицированное единое целое при недооценке его частей и возможности конфликта.

Социальная дезинтеграция понимается как процесс и состояние распада общественного целого на части, разъединение элементов, некогда бывших объединенными, т.е. процесс, противоположный социальной интеграции. Наиболее частые формы дезинтеграции - распад или исчезновение общих социальных ценностей, общей социальной организации, институтов, норм и чувства общих интересов. Полная социальная дезинтеграция разрушает систему, но не обязательно ее составные части. Большинство социологов использует этот термин в смысле относительного снижения контроля над целостным социальным процессом или, по крайней мере, снижения влияния существующих правил социального поведения на индивидов (У. Томас, Ф. Знанецкий). Это также синоним для состояния, когда группа теряет контроль над своими частями. Этим понятием часто обозначается и отступление от норм организации и эффективности, т.е. принятого институционального поведения то ли со стороны индивида, то ли со стороны социальных групп и акторов, стремящихся к переменам. Тогда понятие социальной дезинтеграции по содержанию становится весьма близким к понятию "аномия". Социальная дезинтеграция способствует развитию социальных конфликтов.

Если социальная интеграция является характеристикой меры совпадения целей, интересов различных социальных групп, индивидов, то близкими к ней понятиями в различных аспектах являются согласие, социальная сплоченность, солидарность, включенность индивида в группу, партнерство. Естественным вариантом ее абсолютизации выступает синкретизм, когда индивид в обществе ценен не столько сам по себе, сколько в зависимости от того, к какому социальному целому он принадлежит: к какой профессиональной группе, организации и т.п. Индивид рассматривается как элемент целого, его ценность определяется вкладом в целое (организацию, общество).

Социальная интеграция, таким образом, означает наличие упорядоченных отношений между индивидами, группами, организациями и т.д. Так, П. Сорокин пишет, что "исследование любой интегрированной системы социокультурных явлений показывает, что все основные ее элементы являются с различной степенью интенсивности взаимозависимыми... В неинтегрированных и дезинтегрированных социокультурных скоплениях нельзя найти такую взаимосвязь" [], с. 1891. При этом социальная дезинтеграция рассматривается исключительно как порок общества, источник неравенства, несправедливости и массовых конфликтов. В частности. Спенсер считал дезинтеграцию

моментом обратного развития от высшего типа к низшему, от сложного к простому. Правда, здесь весьма важным является содержание этого понятия. Иногда его рассматривают как синоним дифференциации, или по крайней мере в него вкладывают такой же смысл. А. Тойнби, анализируя в свое время проблемы дезинтеграции, отмечал, что неизлечимо больное общество начинает войну против самого себя. Образуются социальные трещины: "вертикальные" - между территориально разделенными общностями и "горизонтальные" - внутри смешанных общностей, подразделяемых на классы и социальные группы.

В принципе интеграция не обязательно ломает социальное разнообразие. Самая жизнеспособная разновидность социальной интеграции складывается из единства разнообразия, формирования целостности на основе совпадения целей и интересов. В любом конкретном обществе социальная интеграция базируется на различных формах принуждения (включая и физическую силу) и стихийно возникшей солидарности. Соотношение этих двух моментов весьма существенно для характеристики общества. Если в обществе слабо развита солидарность, сознание необходимости сохранения этого конкретного общества, то возможность рационализировать общественные отношения весьма ограничена, а тенденции к дезинтеграции существенно усиливаются.

В последние годы мы наблюдаем отчетливо выраженную тенденцию к дезинтеграции социального пространства. Последнее можно определить и как поле социальной деятельности, включающее в себя совокупность значимых социальных групп, индивидов, объектов в том или ином их взаимном расположении, а также представления индивидов или групп о своем месте в обществе.

Проблемы социальной интеграции и социальной дезинтеграции на пороге XXI века заняли центральное место в различных теоретических, политических, идеологических построениях. При анализе их различают уровень рассматриваемых систем (личность, социальная группа, общество, мировое сообщество).

В трансформирующихся обществах мы часто наблюдаем процессы интеграции и дезинтеграции не на рациональных началах, характерных для современной эпохи (консенсус по поводу ценностей и целей, удовлетворенность вознаграждением за социальные роли индивидов и групп), а на иррациональных и эмоциональных началах (национальное сознание, принадлежность к религиозным и локальным общностям, мифологизированное прошлое и т.д.). В настоящее время в российском социальном пространстве преобладают интенсивные дезинтеграционные процессы, размытость идентичностей и социальных статусов, что способствует аномии в обществе. Трансформационные процессы изменили прежнюю конфигурацию социально-классовой структуры общества, количественное соотношение рабочих, служащих, интеллигенции, крестьян, а также их роль. Судьба прежних высших слоев (политическая и экономическая элита) сложилась по-разному: кто-то сохранил свои позиции, используя имеющиеся привилегии, кто-то утратил. Хуже всех пришлось представителям прежних средних слоев, которые были весьма многочисленны, хотя и гетерогенны: профессионалы с высшим образованием, руководители среднего звена, служащие, высококвалифицированные рабочие. Большая их часть обеднела и стремительно надаёт вниз, незначительная доля богатеет и уверенно движется к вершине социальной пирамиды.

Нет необходимости доказывать, что социальные различия между классами и слоями в советское время были существенно меньше, чем сейчас, хотя и ошибочным был тезис о "социально однородном обществе". Сравнительный анализ роста и распределения доходов в западных и восточноевропейских обществах в период с 1950 по 1965 гг. свидетельствует, что различия в зарплатах рабочих и служащих были меньше в социалистических странах, чем в капиталистических [2]. Уменьшение экономических различий между слоями свидетельствовало о том, что социалистические страны были значительно ближе идеалу эгалитарного распределения, чем капиталистические, а социальное неравенство не воспринималось так остро [3, с. 92—93]. К сожалению, очевидно, что только у незначительного числа индивидов и социальных групп изме-

нения произошли к лучшему, в то время как у большинства населения (82% опрошенных в декабре 1998 г.) ситуация катастрофически ухудшилась [4, с. 44]. К этому следует добавить такие негативные явления, как рост безработицы и депрофессионализация занятых. По данным исследования, проведенного в декабре 1998 г.*, у 34% работающих образование и профессиональная подготовка полностью не соответствует выполняемой работе, а у 19% - в основном.

Исследования подтверждают, что существует тесная связь между расцветом высшего слоя, "новых русских" с их социокультурной маргинальностью и репродукцией социальной нищеты, криминала, слабости правового государства [5].

Коренным образом изменились принципы социальной стратификации общества, оно стало структурироваться по новым для России основаниям. Следовательно, необходимо обратить особое внимание на противоречивые интеграционные и дезинтеграционные тенденции на всех уровнях социального функционирования общества. Чрезвычайно важным представляется исследование взаимодействия различных социальных слоев и групп, становления социально-групповых интересов, статусов, идентичностей. Так, современный немецкий социолог Г. Эндрувайт с позиции "постклассического" видения проблематики социальной структуры общества подчеркивает, что в социологии можно все предметы разделить на три группы: социальные субъекты (индивиды, слои, группы и т.д.); социальные процессы (интеграция/дезинтеграция, социальные действия и т.д.); социальные катализаторы, которые направляют течение социальных процессов, ускоряют или тормозят их (власть, нормы, престиж и т.д.). Развитие он определяет как "социальный процесс, происходящий в результате изменения элементов социальной структуры, когда реальные изменения рассматриваются по отношению к объективным возможностям" [6, с. 12]. Попытаемся рассмотреть этот круг "социологических предметов".

В условиях социальной поляризации, получившей специфическое название "бразилификация", что означает растущую пропасть между богатыми и бедными и особенно вымывание среднего класса при росте нищеты, безработицы, падении уровня жизни, расцвете теневой экономики наблюдается экономический откат, неравномерное развитие различных сфер жизнедеятельности, преобладание дезинтеграционных процессов. Общество, где четко обозначены положение и интересы лишь бедных и богатых, антагонистично, неустойчиво, конфликтно. Массовый средний класс уравнивает социум и может стать гарантом его стабильности. Для достижения социального консенсуса по поводу выхода из экономического и политического кризиса необходима интеграция совместных усилий, объединяющих представителей всех социальных слоев не через конфронтацию, а через согласие, партнерство, что ведет к гармонизации отношений между ними, формированию гражданского общества.

Согласие, социальное партнерство как универсальный способ стабилизации всей системы, снятия напряженности и разрешения конфликтов в современной России в условиях утверждения рыночных отношений становится объективной необходимостью и потребностью. Российские социологи уже в XIX - начале XX в. большое внимание уделяли развитию идеи согласия через кооперацию, солидарность, интеграцию, сотрудничество, взаимопомощь (Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров, Л.И. Мечников, М.М. Ковалевский и др.). В частности, у М.М. Ковалевского учение о солидарности находится в центре его социологической теории. Под солидарностью он понимал замиренность, примирение, гармонию в противовес борьбе. Он считал, что при нормальном течении общественной жизни столкновение классовых и других социальных интересов предотвращается соглашением, компромиссом, при котором руководящим началом всегда является идея солидарности всех членов общества [7].

Значимость конкретного анализа всего комплекса проблем, связанных с развитием процессов социальной интеграции и дезинтеграции, изменениями в социальном поло-

* Исследование проводилось под руководством М.Ф. Черныша; было опрошено 1500 человек; выборка репрезентативна для России.

жении классов, групп, слоев, производственных структур как социальных общностей, с субъективным осознанием этих изменений различными группами населения определяется многими причинами. Прежде всего тем, что современная социальная структура нестабильна и неустойчива. Глубокие изменения в формах собственности, общественной организации труда и распределения в условиях тотального разбалансирования экономических и социальных отношений требуют постоянного научного анализа, мониторинга.

Современный период в социально-экономическом развитии российского общества характеризуется полным перераспределением общественного богатства. На смену государственной экономике пришла многосекторная, а вместе с ней изменились контуры социальной структуры общества, соотношение социальных слоев и групп, их ролевые функции.

Обществу России, как и любой другой страны, присуще социальное неравенство. Конституция провозгласила Россию "социальным государством", имея в виду, что его политика должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь каждого человека, определенные гарантии равенства социальных возможностей. Однако для нынешней ситуации характерны иные социальные цели и процессы, которые отчетливо проявляются в результатах конкретных исследований.

С точки зрения анализа процессов интеграции/дезинтеграции важное значение имеет изучение процесса формирования модели социальной структуры современного российского общества. Под моделью в данном случае мы понимаем складывающуюся или уже сложившуюся систему отношений между социальными группами (стратами), основанную на различных взаимосвязях статусных позиций этих групп: экономических, политических, социокультурных и т.д., которые в свою очередь свидетельствуют о ее интеграции/дезинтеграции.

Формирование представлений населения о складывающихся отношениях, безусловно, зависит прежде всего от объективного состояния социальной структуры общества, от масштаба тех изменений, которые произошли за время реформ в экономике, политике, социокультурной сфере. Обнаружение этих изменений на эмпирическом уровне дает возможность не только оценить их позитивные и негативные последствия, но проследить динамику социальных ожиданий различных групп, субъективные представления о равенстве/неравенстве, справедливости/несправедливости, социально-структурных сдвигах. Ведь фактически оценка сущности социальных отношений как партнерских или конфликтных отражает особенности группового восприятия процессов, явлений, декларируемых демократических ценностей, их адекватности сложившимся представлениям (стереотипам) об общечеловеческих ценностях. В самом общем плане это смыкается с понятием "доверие", его природой и ролью в социально-экономическом развитии [8].

С интерпретацией материалов каждого нового эмпирического исследования понятие "социальная стратификация" приобретает значительно большую глубину, становится более содержательным и "объемным". Существенным является "нащупывание" новых качественных сторон этого процесса, попытка охватить многообразные виды социальной дифференциации.

В конце 1997 г. нами было проведено социологическое исследование в Краснодаре "Трансформация социальной структуры российского общества" (руководитель д. филос. наук З.Т. Голенкова). Использована многоступенчатая комбинированная выборка с применением метода типичного объекта и квотного метода. Расчет выборочной совокупности составил 520 единиц. Всего в массиве опрошенных было выделено 11 групп занятого городского населения: малоквалифицированные рабочие, рабочие высокой квалификации, служащие-неспециалисты, ИТР, специалисты в сфере образования и науки, специалисты-медики, специалисты - финансово-бухгалтерские работники, руководители низшего звена (подразделений на предприятиях), руководители высшего звена (предприятий, учреждений), предприниматели, работники административных органов. Методика исследования предусматривала также выделение различных социо-

групповых образований, связанных как с развитием новых форм хозяйственной деятельности, так и с государственными структурами.

При анализе были вычленены основные факторы, которые, по мнению опрошенных, стратифицируют современное российское общество, распределяют людей по различным социальным группам (табл. 1).

Таблица 1

Иерархия факторов, определяющих социальное расслоение общества

Факторы расслоения	Ранг	% к числу опрошенных
Власть	1	91,3
Доход	2	91,2
Собственность	3	64,8
Незаконные действия	4	52,7
Образование	5	35,6
Талант, способности	6	34,8
Профессия	7	30,1
Происхождение	8	25,0
Национальность	9	14,5

Как известно, процессы дезинтеграции и интеграции диалектически взаимосвязаны. Множественность форм собственности порождает различные формы социальной дифференциации, но в то же время этот же фактор создает новые предпосылки и условия консолидации общества. Мы имеем в виду становление новых экономических классов: собственников и наемных работников со сложным комплексом специфических интересов и потребностей, качеством жизни, присущих именно данным классовым общностям.

Дезинтегрирует и интегрирует одновременно и принадлежность индивидов к различным социально-профессиональным и отраслевым отрядам трудящихся. Данные исследования говорят о социально неоднородных и в то же время интегрированных группах "закрытых" корпораций (трудовых коллективов, профессиональных групп, занятых в различных секторах экономики и т.д.).

В системе отношений общественной организации труда данные процессы можно проследить, анализируя группы руководителей и исполнителей. Относительная их автономность и самостоятельность прослеживаются по всем направлениям социологического анализа. Даже дезинтеграция опрошенных по принципу "бедные - богатые" показывает, что, хотя различия между этими группами существенны, в то же время и "бедные" и "богатые" достаточно гомогенны в своих социальных характеристиках. Дезинтегрирует и одновременно интегрирует и такой показатель как субъектная характеристика - прежде всего самоидентификация трудящихся с социальными общностями.

На процессы интеграции социальной структуры оказывают влияние следующие группы факторов. *Первая группа факторов* - возникновение новых социальных общностей на основе плюрализации форм собственности. Прежде всего, это специфические слои наемных работников, занятых в полугосударственном, частном секторах экономики по трудовым соглашениям или постоянно по договорам найма, работники смешанных предприятий, а также предприятий и организаций с участием иностранного капитала и т.д. Появилась новая буржуазия, новая бюрократия, предприниматели, свободные профессионалы и др. *Вторая группа* связана с консолидацией занятых в отдельных отраслях экономики и секторах профессиональной структуры. *Третья группа факторов* - появление новых видов социальных общностей в системе властных отношений: руководителей различного уровня и исполнителей. *Четвертая* -

формирование в системе координат "богатство - бедность" социальных групп, объединенных по уровню доходов, источникам их поступления, характеристикам качества жизни - в целом по показателям материального благосостояния.

Но в настоящее время в становлении новой социально-слоевой структуры российского общества доминируют процессы социальной дезинтеграции. Именно она в большей степени определяет качественные изменения в отношениях собственности и власти, в уровне жизни различных групп и слоев населения, в изменениях социально-экономических интересов личностей и групп, их норм и ценностей, самоидентификации. Поэтому анализ поднятых авторами проблем будет проходить преимущественно в направлении исследования дезинтегрирующих начал в социально-структурных процессах.

Как видно из таблицы 1, одни факторы (власть, доход, собственность) являются доминирующими в расслоении общества, действие других значительно меньше. Но эти распределения характеризуют массив опрошенных в целом. Рассмотрим мнения респондентов, относящихся к разным социально-профессиональным группам, о важности тех или иных факторов в дифференцирующих процессах. *Рабочие.* Существуют различия между группой неквалифицированных и высококвалифицированных рабочих. Первые выделяют деньги, образование, профессию. Вторые - национальность, власть, образование. *Служащие-неспециалисты:* национальность, происхождение, незаконные действия; *инженерно-технические работники:* деньги, незаконные действия, национальность; *специалисты гуманитарного профиля:* деньги, собственность, криминальные действия; *специалисты-медики:* профессию, происхождение, деньги; *специалисты - финансовые работники:* деньги, власть, профессию; *предприниматели:* собственность, деньги, талант; *работники администрации:* собственность, деньги, власть; *руководители низшего звена:* собственность, деньги, талант; *руководители высшего звена:* власть, деньги, талант.

Итак, мнения представителей различных социально-профессиональных групп имеют свою специфику. Это связано не только с особенностями групповых социокультурных ценностей. Главное в том, что для одних на первом месте находятся экономические интересы, детерминированные перераспределением собственности в результате политики приватизации. Прямая или косвенная причастность к этому процессу и "выносит" на первый план такие факторы, как собственность, власть и деньги. Предприниматели, управленцы, представители администрации - это те социальные слои, которые утвердили свой статус, усилили свою экономическую и политическую власть. Другое дело, когда речь идет о представителях массовых групп интеллигенции (гуманитарии, медики, финансовые работники, ИТР). Изменения в социальном положении этой категории были особенно резкими. И хотя они также видят силу денег, власти, но выделяют и такой фактор, как криминальные действия. Впрочем, и среди этих групп существуют различия. У медиков, финансовых работников, в отличие от гуманитарной интеллигенции, растет определенная удовлетворенность своей профессией, что также интегрирует эту группу. Это объясняется тем, что профессия становится источником относительно высокого дохода и приобретает материальную ценность.

Инженерно-технические работники, так же как и служащие-неспециалисты и рабочие, среди факторов дифференциации выделяют национальность. Это можно объяснить тем фактом, что люди, пережившие падение на социальной лестнице, проявляют этническую нетерпимость в большей степени. Известно, что нетерпимость, чувство страха и неуверенности в большей степени являются главными причинами усвоения психологии национализма, которая хорошо приживается в условиях потерянности, фрустрированности людей, и тогда этот фактор резко делит людей, интегрируя группу "своих" и отделяя ее от "чужих". В нашем исследовании может быть и дополнительный фактор - территориальная близость региона к Чечне. В этом случае неизбежно расширяется круг "узурпаторов", приведших к резкому падению статуса этой группы респондентов.

Произошел поворот к совершенно иной оценке людьми своего статуса, причем эта оценка носит многоаспектный характер. С одной стороны, каждый опрошенный является представителем определенной группы по квалификационно-профессиональному признаку. Это как бы первый уровень проявления групповой идентичности и интеграции, но одновременно и дезинтеграции и дифференциации. Действительно, как показывают данные исследования, принадлежность к определенной социально-профессиональной группе приобретает в сегодняшних условиях четко выраженное социальное качество, становится во многих случаях "первичным" элементом социально-стратификационной структуры и, соответственно, интеграции/дезинтеграции. С другой стороны, сформировался еще один "этаж" социальной интеграции/дезинтеграции. На этом уровне в основе этих процессов лежат более общие социальные интересы - интересы различных экономических классов. В данном случае происходит агрегирование социальных групп по такому показателю, как отношение к собственности (обладание или распоряжение ею). И здесь формируются совершенно различные социальные и социально-психологические типы личности - личность собственника и личность наемного работника. Представления о социальной дезинтеграции наполняются новым социальным качеством. Существует еще один ее аспект - субъективное социальное самоопределение личности, ее самоидентификация. Эта проблема уже получила определенное освещение в работах авторов, отметим лишь, что ее дальнейшее изучение является необходимым моментом в анализе социальной стратификации общества [9].

Отражая реальную социально-экономическую ситуацию в стране, действительное положение людей, представителей различных категорий населения, в массовом сознании формируетсяприятие или неприятие отдельных сторон жизни, сущности статусных и властных групп.

С этой целью нами был построен сводный индекс, отражающий мнение относительно характера отношений в обществе между различными слоями: директорами государственных учреждений и предприятий и наемными работниками, частными собственниками и наемными работниками, помогающий лучше понять процессы интеграции/дезинтеграции. Все опрошенные разделились на три совокупности. Балл первый получили те, кто определил существующие социальные отношения как дружественные, партнерские (5,2%). Балл второй означает, что представители данной группы определили эти отношения как конфликтные (31,0%). Балл третий характеризует группу, определившую их как нейтральные (63,8%). Итак, в социальной структуре общества сформировались три совокупности (три группы), отражающие следующие модели формирующейся социальной структуры: партнерскую, конфликтную и нейтрально-статусную. Первая модель "работает" на интеграцию, вторая - на дезинтеграцию, так как в основе ее лежит убеждение, что взаимодействие и взаимопонимание во всех сферах (экономической, правовой, социальной) между различными слоями российского общества невозможно. Наименее представительна первая группа (модель партнерства). Вторая и третья группы достаточно представительны, причем, по нашему мнению, наиболее определена вторая группа. Высокая наполненность третьей группы объясняется в значительной степени тем, что она включает ту часть респондентов, которые в переломные периоды жизни общества остаются пассивными в плане формирования четких оценочных суждений о происходящих событиях. Особенно, когда речь идет о явлениях, достаточно умозрительных. Этот факт отмечают многие исследователи, полагая, что в кризисные периоды жизни общества массовой становится некая пассивная часть населения - та, которая никак не будет реагировать ни на какие события, тем более не затрагивающие непосредственно ее жизненные интересы [10, с. 38-54].

Тот факт, что трансформация социальной структуры сопровождается процессом дезинтеграции, расширения пространства социального конфликта, заметной активизацией в этом пространстве отдельных социальных групп, отмечен и в ряде других исследований. Известно, что в трансформирующихся обществах растет массовое недоверие граждан к политическим партиям, гражданским институтам вообще. Более 2/3

опрошенных в декабре 1998 г. не доверяли практически ни одному институту [11]. Проявляются две существенные тенденции: общая политическая апатия и отход от политической жизни, с одной стороны, и повышенные возможности политических партий привлечь граждан на свою сторону недемократическими методами.

Интересно заметить, что чем старше респонденты, тем больше сокращается доля лиц, считающих, что формируется партнерская модель общества и, наоборот, увеличивается доля тех, кто полагает, что формирующаяся стратификационная модель носит конфликтный характер (табл. 2). Эта тенденция подтверждается и данными исследования, проведенного в Нижнем Новгороде. Здесь также отмечено возрастание удельного веса конфликтных групп с увеличением возраста [12, с. 288-312].

Таблица 2

Распределение опрошенных по возрасту и предпочтению стратификационной модели общества, %

Стратификационная модель	Возраст (лет)					
	18-30	31-40	41-50	51-60	61-70	св. 70
Партнерская	9,1	8,6	5,4	4,7	3,7	—
Конфликтная	19,8	20,7	35,7	46,5	48,1	75,0
Нейтрально-статусная	71,1	70,7	58,9	48,8	48,1	25,0

Что касается социального состава анализируемых групп, то наиболее "конфликтны" предприниматели, специалисты, неквалифицированные рабочие, работники административных органов. Наиболее "нейтральны" руководители обоих уровней, рабочие высокой квалификации. При более детальном анализе "конфликтной группы" обнаруживается, что внутри категории специалистов существуют достаточно принципиальные различия. Так, представители культуры и искусства занимают самые крайние позиции по "конфликтности" - 85,7%, по сравнению с медиками (около 40%), педагогической и научной интеллигенцией (25,8%), финансовыми работниками (23%). Таким образом, дифференциация интеллигенции прослеживается по самым разным показателям, в том числе и по отношению к качеству формирующейся социальной модели общества.

В то же время, если рассмотреть отношение к этим проблемам на примере занятых на предприятиях различных форм собственности - государственной, арендной, частной, акционерной, обнаруживается весьма примечательная закономерность. Удельный вес первой группы ("партнерство") значительно выше на государственных предприятиях, чем в частном секторе или на предприятиях негосударственной формы собственности. Мы можем констатировать, что процессы приватизации и разгосударствления действительно породили такую модель социальной структуры, где поляризация и конфликтность интересов проявляется наиболее рельефно. В государственном секторе эти проблемы не так резки. Здесь не действует инерционность прежних производственных отношений.

Величина "конфликтной" группы возрастает и по мере роста уровня профессионального образования: она в 1,5 раза меньше среди лиц, имеющих среднее специальное образование, по сравнению с респондентами-специалистами высшего уровня. Причем тип образования (высшее гуманитарное, техническое, медицинское и др.) не является в данном случае дифференцирующим фактором. В то же время, чем ниже уровень профессионального образования, тем выше удельный вес третьей ("нейтрально-статусной") и первой ("партнерской") групп. Таким образом, уровень, но не тип профессионального образования определяет наполняемость анализируемых нами групп.

Это можно объяснить прежде всего тем, что в советском обществе традиционно был значителен престиж высокого уровня профессионального образования. Получить

высшее образование, стать специалистом-профессионалом означало и возможность продвижения в социальной иерархии. За последнее время обстановка коренным образом изменилась: люди с высшим образованием потеряли место в обществе, обеспечивающее им не только престиж, но и относительно приличное материальное положение. Все это не могло не оказать влияния на формирование дискомфорта, а отсюда - уровня конфликтности.

И, наконец, посмотрим, каким образом в условиях перехода к новым социально-экономическим и политическим реалиям в обществе происходят изменения в осознании личностью своего места в социально-слоевой иерархии. Здесь наибольший интерес для нас представляет наполняемость того слоя, который получил название "маргинальный" (его представители, по их собственному признанию, не соотносят себя ни с одной социальной группой, хотя объективно являются представителями определенных категорий занятого населения [13]). Оказалось, что внутри этого слоя отсутствуют респонденты первой группы, респонденты второй ("конфликтной") группы составляют 60%, третьей - 40%. Таким образом, становление социально-слоевой идентичности непосредственно связано с распределением респондентов в зависимости от их предпочтения той или иной стратификационной модели общества.

Следующая группа изучаемых нами факторов показывает тенденции формирования данных групп в зависимости от уровня дохода и в целом материального положения. Для этой цели мы использовали субъективную оценку респондентами состояния их бюджета в течение года. Шкала субъективных оценок дала возможность выделить следующие уровни материального положения. **Состоятельные** - характеризуются наличием материальных средств, достаточных для создания высокого уровня жизни. **Обеспеченные** - имеют денежные средства, достаточные для обновления предметов длительного пользования, улучшения жилищных условий с помощью кредита. **Малообеспеченные** - располагают средствами только на повседневные расходы. **Неимущие** - имеют минимальные средства лишь для поддержания жизни.

Теперь рассмотрим наполняемость выделенных совокупностей представителями "партнерской", "конфликтной" и "нейтрально-статусной" групп. "Состоятельные" представлены исключительно респондентами, входящими в партнерскую и нейтрально-статусную группы (в первую и в третью - 27,0% и 73,0%), обеспеченные распределились уже на три группы, соответственно - 11,2/31,9/56,9%. Соответствующее соотношение среди малообеспеченных - 6,4/48,7/44,9%, а среди неимущих - 4,5/59,1/36,4%. Как видим, тенденция обозначилась совершенно определенная - среди респондентов с более низким уровнем материального обеспечения увеличивается доля конфликтной группы и соответственно падает доля партнерской и нейтрально-статусной. Эта тенденция обнаруживается и при распределении ответов на вопрос "Насколько Вы удовлетворены своим материальным положением?" Из тех, кто им не удовлетворен, только 5,5% принадлежат к первой группе, в то время как представителей второй группы в 7 раз больше.

Таким образом, материальное положение респондентов является одним из главных факторов, определяющих оценки респондентами той или иной стратификационной модели общества.

Анализируемые нами группы характеризуются не только определенным социальным и возрастным составом, профессиональным, образовательным и материальным уровнем, но и своим видением происшедших и происходящих в настоящее время преобразований. Они формируют определенное отношение к конкретным аспектам социально-структурных процессов.

Выделим комплекс отношений, формирующихся в процессе трудовой деятельности, среди которых удовлетворенность трудом, трудовая мотивация, производственный интерес и некоторые другие.

Удовлетворенность трудом включала два параметра - удовлетворенность профессией и удовлетворенность должностью. Распределение ответов показало, что в обоих случаях наиболее удовлетворены представители первой группы (84,6 и 61,6%),

среди представителей второй группы таких оказалось соответственно 49,4 и 41,2%, среди третьей - 56,8 и 31,1%. Таким образом, оценивающие формирующуюся модель социальной структуры как партнерскую находятся в большем согласии со своей работой - профессией, должностью - по сравнению с теми, кто оценивает ее как конфликтную.

Непосредственно с рассматриваемым показателем связана и проблема профессиональной стабильности представителей данных групп. Наиболее профессионально стабильными оказались респонденты первой группы: работу менять не собираются почти 70%. на втором месте - респонденты третьей группы (53%), на третьем - второй группы (56%). Свыше 40% представителей первой группы ориентированы на сохранение своего профессионального статуса даже в том случае, если останутся без работы и будут искать новую (среди второй и третьей - 35 и 30% соответственно). А вообще исключают для себя возможность остаться без работы около четверти представителей первой, 7,6% второй и 13,4% третьей групп. Другими словами, определенный социальный оптимизм в большей степени присущ "партнерской" группе. Более половины ее представителей выразили уверенность в возможности реализовать свои жизненные планы, что значительно выше, чем в других группах.

Отметим еще один момент, характеризующий, с нашей точки зрения, доминирование тех или иных факторов в структуре трудовой мотивации. Если в первой группе среди основных мотивов преобладают те, что связаны с высокой зарплатой, хорошим отношением с руководством, благоприятными условиями труда, то во второй и третьей - с содержанием труда ("работать по более высокой квалификации"), с высокой зарплатой, с социальной значимостью труда ("хочу работать там, где мой труд нужнее обществу"). Значимость последней позиции свидетельствует не столько о формировании новой мотивации к труду, сколько, скорее, о сохранении в мотивационной сфере инерции тех лет, когда труд являлся "гордостью советского человека". На вопрос "Считаете ли Вы, что в нашем обществе люди неравны?" абсолютное большинство респондентов ответили положительно. В исследовании были определены сферы проявления неравенства: имущественная, образовательная, политико-правовая. И здесь респонденты единодушны в том, что и в материальном положении, и в возможности получения качественного образования, осуществления своих политических и юридических прав люди неравны.

Различия между группами проявились и при ответе на вопрос "Испытываете ли Вы это неравенство лично?" Если в оплате труда 8,3% респондентов первой группы испытали этот вид проявления неравенства, то во второй данная категория составила 18,7%, а и третьей - 26,4%. В получении качественного образования соответствующее соотношение составило 35,6/46,6/56,3%, в возможности осуществления политических прав - 27,3/41,9/43,4, юридических прав - 25,0/28,7/31,2%.

Итак, суть происходящих в настоящее время изменений в социальном пространстве российского общества - это изменение общей композиции, соотношения социальных групп и слоев, их иерархии и ролевых функций. Люди начинают адекватно оценивать свое положение, осознают конкретные различия, которые существуют в обществе между социальными группами и слоями в степени обладания властью, собственностью, социальными возможностями. Формирующаяся новая социальная стратификационная модель общества становится не просто объективной реальностью, но и субъективным осознанием личностью, группой, слоем своего места в социальном пространстве, что в перспективе может способствовать интеграции общества на рациональных началах, либо же его дезинтеграции на конфликтной основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
2. United Nations, Incomes in Postwar Europe. A Study, Growth and Distribution. Geneva. 1967.
3. См.: Попович М. Тоталитарни системи. Београд, 1997.
4. См.: Современное российское общество: переходный период. М. 1998.

5. См.: Динамика социальной структуры и трансформация общественного сознания (круглый стол) // Социол. исслед. 1998. № 12.
6. *Endruweit G.* Elite und Entwicklung: Theorie und Empirie zum Einfluss von Entwicklungsprozesse. Frankfurt-am-Main, Bern, New-York, 1996.
7. *Ковалевский М.М.* Современные социологи. СПб, 1905.
8. См.: *Мильнер Б.* Фактор доверия при проведении экономических реформ // Вопросы экономики. 1998. № 4. *Островский Д.И.* Особенности формирования групповых интересов в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1998. № 4.
9. См. Социальная стратификация современного российского общества. М., 1995.
10. *Поливаева Н.П.* Политическое сознание россиян в 90-е годы: состояние и некоторые тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1997. № 5.
11. См. Современное российское общество: переходный период. М., 1998.
12. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1998.
13. См.: *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Казаринова И.В.* Маргинальный слой: феномен социальной стратификации // Социол. исслед. 1996. № 8.